

УДК 39 (470.22)

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА И ТЕРРИТОРИАЛЬНО- АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ГРАНИЦЫ КАРЕЛИИ НА РУБЕЖЕ I–II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ Н. Э. (НОВГОРОДСКОЕ ВРЕМЯ)*

С. И. Кочкуркина

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Процессы образования этнической карты и территориально-административных границ Карелии на рубеже I–II тысячелетий (новгородское время) рассматриваются в системе социокультурных ландшафтов Северо-Запада России. Пограничное положение между западным и восточным миром, природные, политические и экономические факторы сформировали особенности культуры и ментальности традиционного населения Карелии. Этнокультурные ареалы эпохи Средневековья, как показали междисциплинарные исследования, сложились задолго до существования официальных административных и государственных границ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: междисциплинарное исследование, этнокультурные ландшафты Северо-Запада России, народы Карелии, границы этнические и административные.

S. I. Kochkurkina. THE ETHNIC MAP AND SPATIAL-ADMINISTRATIVE BORDERS OF KARELIA AT THE TURN OF 2nd MILLENNIUM A. D. (NOVGORODIAN PERIOD)

Formation of the ethnic map and spatial-administrative borders of Karelia at the turn of the 2nd millennium (Novgorod times) is considered through the prism of socio-cultural landscapes of Northwest Russia. Location on the border between the Western and the Eastern worlds, the natural, political and economic factors have shaped the peculiar culture and mentality of the traditional population of Karelia. As the interdisciplinary study has demonstrated, Medieval ethno-cultural boundaries had established long before there appeared official administrative and national borders.

K e y w o r d s: interdisciplinary study, ethno-cultural landscapes of Northwest Russia, peoples of Karelia, ethnic and administrative boundaries.

На рубеже I–II тысячелетий н. э. происходило формирование народов, в том числе на территории Приладожья. Именно в этот период древ-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

нерусские письменные источники называют их по именам: корела, весь, ижора, водь и др. Становление народов происходило в период формирования, укрепления и расцвета Древнерусского государства, в нашем случае – Новгородской феодальной республики. Процесс был длительным и не прямолинейным.

Карелия – уникальный регион, важную роль в развитии которого сыграло пограничное положение между западным и восточным миром. В силу нестабильности жизни в приграничье менялись очертания историко-культурного ареала. Природные и экономические факторы сформировали особенности культуры и ментальности традиционного населения Карелии. Представления о том, когда и каким образом происходило формирование Карелии как этнокультурного ареала, можно создать только на комплексной базе данных гуманитарных наук. Комплексный подход к использованию археологических, лингвистических, топонимических, этнографических и исторических источников, а также данных естественных наук, базирующихся на результатах многолетних полевых исследований, позволяет реконструировать, хотя бы в общих чертах, сложный и длительный процесс миграции и адаптации народов, процесс соиздания их культур на различных временных отрезках, выявить зависимость от многих, благоприятных и неблагоприятных, факторов, реконструировать процесс образования внешних и внутренних границ и влияние этого процесса, что очень важно, на «самочувствие» народов. Более того, междисциплинарное исследование способствует решению проблемы становления Карелии как территориального, этноисторического и административного феномена на Северо-Западе России.

Формирование народов и расселение их на обширных пространствах земли на длительном историческом пути развития прямо или опосредованно приводили к образованию границ: этнических, социальных, религиозных, административных, государственных и т. д. Эти вопросы относятся к числу слабо разработанных, но в настоящее время весьма актуальных. Действительно, существует ли жесткая связь между природно-ландшафтными и административными границами, в какой степени границы государственные совпадают с границами этносов и их культур, материальных и духовных? Какую роль играли социально-экономические процессы при формировании локальных границ? И так далее. Русский философ И. Ильин писал: «Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственному самостоянию... Многие малые племена только тем и спасались в истории, что примыкали к крупно-сильным народам, государственным и толерантным: отделить их, эти малые племена, значило бы – или передать их

новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем...

Ни история, ни современное правосознание не знает такого правила: «Сколько племен, столько и государств» [Ильин, 1993. С. 172–173].

Существенный вклад в разработку проблемы внесли Ф. Барт и представители его «бергенской школы» скандинавской социальной антропологии [Barth, 1969]. В 2006 г. работа этого ученого издана на русском языке [Барт, 2006], и хотя прошло немало времени после ее издания на английском, она не потеряла своей актуальности, поскольку изложенные в ней теоретические рассуждения построены на плодотворных полевых исследованиях.

В парадигме Барта этничность – это средство достижения экономических и политических результатов, инструмент в конкуренции между группами над ограниченными ресурсами. Им рассмотрены четыре вида ситуаций эколого-экономического характера, в зависимости от которых вырабатывается та или иная стратегия поведения этнических групп:

1. Ситуации, когда этнические группы оккупируют отдельные ниши в естественной окружающей среде при минимальной конкуренции над ресурсами. В этом случае их взаимосвязь могла быть ограниченной, несмотря на совместное проживание в ареале, и взаимоотношения могли осуществляться главным образом через торговлю.

2. Ситуации, при которых этнические группы монополизировали отдельные территории. И по этой причине группы конкурируют за ресурсы, их взаимоотношения приобретают политическую направленность, связанную с приграничными конфликтами.

3. Группы занимают различные ниши (или создают различные виды продукции), но в итоге обслуживают друг друга и взаимозависимы. Это влечет за собой классический симбиоз и множество возможных путей для этнокультурных контактов (это проявилось, например, в проникновении древних карелов на приграничные западные территории. – С. К.).

4. Ситуация, при которой две или более групп конкурируют в одной и той же нише. При таком раскладе либо одна группа может заменить другую, либо они совместно развиваются, взаимно дополняя друг друга.

Ф. Барт активно возражал, и вполне справедливо, против предрассудка об «объективности» и неизменяемости набора культурных черт, существующего независимо от социокультурного контекста.

Такой подход к этническим группам как к организациям, призванным защищать интересы своих членов, в определенной степени научно аргументирован и подтверждается полевыми наблюдениями и материалами, но несколько ограничен и не раскрывает сути этнических проблем в полном объеме.

Другая точка зрения изложена в работе Б. В. Дроздова [2011]. По его мнению, границы, которые исторически выстраивались на земле людьми, являлись, прежде всего, границами государства, т. е. границами административными, правовыми и экономическими. Границы создавали препятствия для свободы передвижений, свободы товарного обмена, устанавливали территориальные ограничения распространению властных полномочий и действия правовых и административных норм. Автор подчеркивает, что значение границ во времени менялось: в средние века – это борьба за власть над данниками, в феодальную и капиталистическую эпохи границы устанавливались для решения экономических и правовых отношений государственных элит.

Заметим, кстати, в настоящее время в мире в связи с политическими событиями процесс изменения границ и появления новых далек от своего завершения. Однако по нашим наблюдениям, основанным на археологических материалах, о чем будет сказано ниже, этнокультурные границы складывались задолго до существования официальных государственных границ.

Население Карелии и его соседи в эпоху Средневековья

В эпоху железа финно-угорские племена занимали огромные пространства лесной зоны Восточной Европы. Во второй половине I – начале II тысячелетия эти территории начали активно осваиваться славянами, что привело к существенному изменению этнической карты. Судьбы финно-угорских народов оказались тесно связанными с Древнерусским государством, которое с самого начала своего существования было неоднородным и включало разноязычные народы. В процессе расселения славян устанавливались границы земельных владений. Так возникли особые административно-политические образования средневековой Руси: Водская, Корельская, Ижорская земли. Древнерусским политико-экономическим феодальным центром на Северо-Западе Руси стала Новгородская земля. Подчиненность нерусского населения, например карельского, Новгороду носила символический характер и

выражалась в сборе дани, в совместных военных операциях по защите государственных рубежей, социально-экономических и торговых мероприятиях. Корельская земля вошла в состав Новгородского государства на правах равноправного или почти равноправного члена. Племена, подвергшиеся массовой славянской колонизации, – воть, ижора, весь – быстро исчезли со страниц русских летописей. Однако при всем влиянии пришлого славяно-русского населения прибалтийско-финские народы сохранили специфические черты материальной и духовной культуры. Границы земель, которые освоило древнее население Карелии, выходили далеко за пределы современных границ Республики Карелия (рис. 1).

На рубеже I–II тысячелетий юго-восточное Приладожье (Ленинградская область) и южная часть Карелии были заселены прибалтийско-финским народом, названным в письменных источниках весью, северо-западное Приладожье – древнекарельскими племенами, для которых в русских летописях употреблен этноним «корела». Саамы сформировались на территории Финляндии и Карелии. Освоенный ими ареал был значительно меньше, чем предполагалось ранее [Муллеронен, 2010]. Саамы, естественно, не представляли собой единого этнического массива. В зависимости от степени и скорости адаптации к конкретным природным условиям, наследия предшествующей субкультуры, изменчивости этногеографической ситуации в целом формировались многочисленные мозаичные древнесаамские группировки.

Стало быть, границы расселения народов на рубеже I–II тысячелетий не совпадают с современными административными границами. Большой частью этнические ареалы формировались в соответствии с особенностями ландшафта, которые определили топографические особенности поселений и род занятий, а также в зависимости от интенсивности этнокультурных контактов с ближними и дальними народами.

Этническая карта и территориальные границы Карелии в конце I – первой половине II тысячелетия н. э. (новгородское время)

О территории летописной корелы, включающей Карельский перешеек и северо-западное Приладожье, исследователи говорят как о давно доказанном факте. Действительно, усилиями отечественных историков, археологов, лингвистов, топонимистов доказано, что в XII–XV вв. Карельский перешеек с северо-западными бере-

гами Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива с городом Корела являлся древнекарельским племенным центром. Не противоречат этому и древнерусские летописи,

берестяные грамоты. Но при целенаправленном рассмотрении оказывается, что ареалы, составленные по различным источникам, не всегда совпадают.

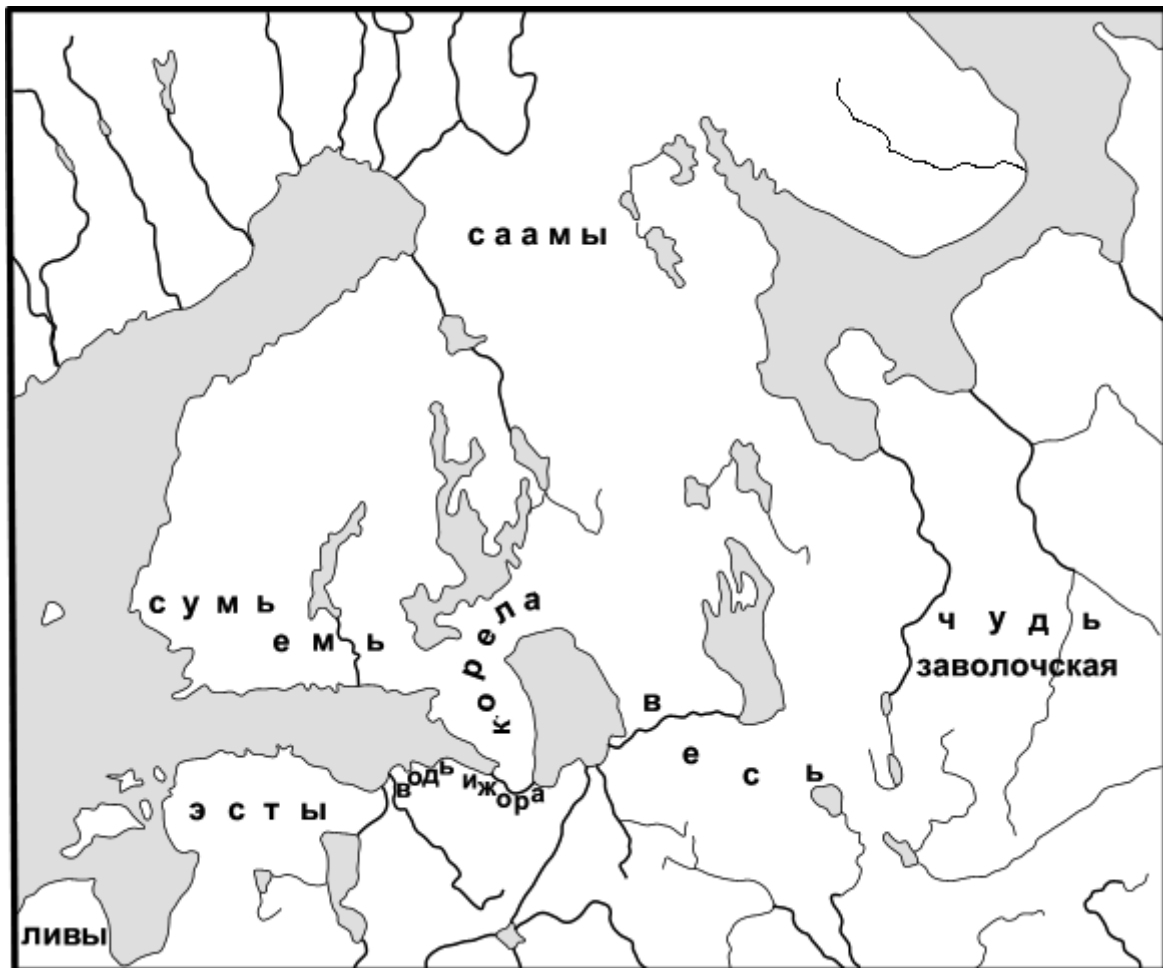

Рис. 1. Ареал народов Северо-Запада России эпохи Средневековья

Письменные источники

В «Слове о погибели Русской земли» – это произведение создавалось в период между 1238 и 1246 гг. – после описания красот земли Русской указываются ее границы: «Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга...». Из этой фразы складывается общее представление о территории карелов и о том, что она в это время не входила в границы Русской земли [Памятники..., 1981. С. 130–131; Кочкуркина, Спиридонов, Джексон, 1990].

Упомянуты «карилы», проживающие по соседству «с королевством нортманнов», и в средневековом латинском анонимном географическом трактате второй половины XIII в., видимо, ирландского происхождения, введенном в научный обо-

рот под названием «Описание земель». Он был открыт и опубликован в 1979 г. американским исследователем Марвином Л. Колкером. В России переведен на русский язык и опубликован в 1993 г. [Чекин, 1993. С. 206–225].

Топонимика

Важная роль в изучении истории карелов принадлежит топонимике. Топонимические названия помогают выявить территорию расселения народа, пути его передвижения, особенности хозяйственной деятельности в течение нескольких тысячелетий. Карельская топонимия давно стала объектом исследования финляндских специалистов. Плодотворную работу по сбору названий в северо-западном Приладожье осуществил В. Ниссиля. На основе огромной коллекции карельских топонимов

(325000 единиц), хранящихся в Топонимическом архиве Финляндии, им создан обобщающий труд «Suomen Karjalan nimistö».

Названия рек, озер, возвышенностей, урочищ, болот и т. д. в северо-западном Приладожье – финско-карельские. Они составляют фундамент, главный топонимический пласт. Наиболее древние – саамские топонимы. Именно саамы дали названия многим важным природным объектам. По отношению к ним топонимы славянского происхождения более поздние, но довольно часты в ландшафте Карельского перешейка, поскольку славянское влияние проникло во все сферы хозяйственной и культурной деятельности древних карелов, особенно тех, которые жили в центральной части Карельского перешейка, т. е. в местах, близких к культурным центрам того времени. К древнейшим славянским заимствованиям, по мнению В. Ниссиля [Nissilä, 1975; Мамонтова, Кочкуркина, 1982], относятся *lotja* (лодья), *majakka* (маяк), *raja* (край), *risti* (крест), *sirppi* (серп), *veräjü* (дверь). Встречаются названия, отражающие природные особенности местности, растительный и животный мир. В топонимии представлены названия, обозначающие места поселений: *pogosta* (погост), *lopotti* (слобода), *korotiisa* (городище), *possada* (посад), *rintka* (рынок).

Встречаются немногочисленные римско-католические, нижненемецкие и скандинавские наименования природных объектов, говорящие о сложных и разнообразных взаимоотношениях народов.

В. Ниссиля полагает, что шведскими мореходами и рыбаками даны названия островкам, скальным выступам, отмелям, мысам, заливам в акватории Финского залива от Сяккиярви (район Выборга) до Терийоки. После сооружения Выборга шведское влияние отразилось по многим направлениям. В целом же скандинавские наименования, за редким исключением, представлены в названиях отдельных домов, поселений, небольших объектов, а также фамилий и поэтому не могут считаться первичными. Скандинавы появились в северо-западном Приладожье тогда, когда оно уже было заселено прибалтийско-финским населением. Увеличение шведских наименований и их территориальное расширение связано с известными историческими событиями XIII–XVII вв.

В результате ономастических (касающихся имен собственных) исследований удалось выявить на территории Финляндии устойчивый пласт карельских топонимов, свидетельствующих о пребывании здесь древних карелов. Названия мест, образованных от этнонимов,

чаще всего возникают в пограничной полосе, где проживают совместно представители различных племен и народностей. Так, в северо-западном Приладожье выделяются топонимы, в основе которых лежат этнические названия: *vepsä* (вепсы); *karjala* (корела). (Кстати, наличие этнонима *karjala* на древнекарельской этнической территории – явление удивительное. Он мог возникнуть в том случае, если карелы проживали среди иноэтничного окружения, которое и назвало их соответствующим именем. Так, например, в районе Куолемярви карелы оказались в соседстве с *лаппи* и *виру*, в Вуоксенранта – с *лаппи*, *вепся*, *хяме* и т. д.). Помимо *vepsä* и *karjala* встречаются этнонимы *lappi* (лопь, саамы); *tsuud*, *tsuhna* (чудь, чухна); *häme* (емь, хяме); *savo* (саво); *inkeri* (ижора); *viro*, *eesti* (эстонцы). Наиболее древние из них возникли в те далекие времена, когда добыча пушнины влекла людей различной этнической принадлежности в отдаленные лесные районы. Топонимы с *суомен* и *виру* встречаются в основном в южной части северо-западного Приладожья, а топонимы с *лапин* редки на Карельском перешейке, но севернее они попадаются часто [Мамонтова, Кочкуркина, 1982]. Концентрация топонимов с основой *вепс-* обнаружена в северной части Карельского перешейка в приграничье с Финляндией [Муллонен, 1994. С. 134].

О пестроте этнического состава населения на Карельском перешейке (этот факт в свое время способствовал формированию различных точек зрения на этническую принадлежность археологических памятников Карельского перешейка и на происхождение древнекарельской общности) можно судить по сведениям из земельной книги Яаски (1543 г.), в которой упоминаются фамилии, связанные с именем племени, народа и местности: *Яаскеляйнен*, *Хямеляйнен*, *Карьялайнен*, *Кюмяляйнен*, *Лапветеляйнен*, *Лапалайнен*, *Саволайнен*, *Суомалайнен*, *Вепсяляйнен*, *Виронен*, *Виролойнен* [Мамонтова, Кочкуркина, 1982].

Лингвистика

В предвоенные и послевоенные годы крупнейшим финноугроведом Д. В. Бубрихом разработана концепция происхождения и этнического развития народа в XII–XVII вв., базирующаяся на огромном лингвистическом материале, собранном на территории расселения карелов. По мнению исследователя, до возникновения Древнерусского государства Карельский перешеек был слабо заселен, здесь кочевали редкие саамские родоплеменные группы.

Но с образованием Древнерусского государства на этой территории в тесном взаимодействии с Русью начала формироваться корела. Откуда она пришла, Д. В. Бубрих не смог дать убедительного ответа. Он считал, что частично население пришло из земель еми, часть из мест, близких к Чудскому озеру и Новгороду. Допускается участие и древней веси [Бубрих, 1947, 1971].

Итак, по мнению Д. В. Бубриха, корела сформировалась на Карельском перешейке, но различные пришедшие извне компоненты изменили ее – в IX в. она называлась «кирьяла», и, видимо, ее первоначальный состав был иным. Замечу, однако, ссылка Бубриха на сагу IX в. спорна. В саге рассказывается, что во время поездки в 874 г. в Лапландию норвежец Торольф оказал помощь королю народа кайнула, воевавшему с разбойничьими племенами киряла. На этом основании делается вывод, что уже в начале периода викингов карелы жили в приладожских районах и совершали походы в земли Похья, где конфликтовали с местным населением и норвежцами. Но теперь можно считать доказанным, что сага датируется XIII в., а события, изложенные в ней, – XI–XII вв.

Ареал летописной корелы, выделенный по характерным особенностям материальной культуры, выглядит иначе. Спорным остается вопрос о включении Миккельских озер в древнекарельский ареал. Взгляды исследователей варьировали от признания культуры Миккельских озер карельской до полного отрицания ее карельской сути. Остановились на взвешенной, компромиссной точке зрения, признающей не только древнекарельское влияние на культуру Саво, но и присутствие на этой территории самих древних карелов.

В свое время мною осуществлено детальное сопоставление могильников обоих регионов по набору женских украшений и деталям погребального обряда (11 признаков), в результате которого сформулирован следующий вывод: можно говорить не только о схожести культур Саво и Приладожской Карелии, объясняемой культурными заимствованиями, но и о едином этническом регионе. Однако территориальная удаленность, другое окружение, политические акции (Ореховецкий договор) привели к изоляции населения Саво, попавшего под власть Швеции. Населению Саво и Приладожской Карелии свойственны общие черты материальной культуры. Занимая промежуточное положение между землями корелы с востока и землями хяме с запада, население Саво испытывало влияние с обеих сторон. Тем не менее культура Саво оставалась самобытной,

о чем свидетельствуют и археологические материалы. Длительное время она сохраняла первоначальные черты и традиции, но постепенно начала отличаться от культуры Карельского перешейка, а впоследствии и культуры русской Карелии. Усиление потока переселенцев из Западной Финляндии в южную часть Карельского перешейка в конце XIII в. способствовало распространению западных традиций, восточная граница которых большей частью соответствовала государственной границе по Ореховецкому договору.

Сказанное вовсе не означает, что район Миккельских озер был заселен только карелами. Безусловно, здесь проживали и хяме, и в результате этнических взаимовлияний выработалась своя оригинальная и самобытная культура.

На мой взгляд, имеющиеся различия между археологическими памятниками Саво и Приладожской Карелии не противоречат установленной компромиссной точке зрения, признающей не только древнекарельское влияние на культуру Саво, но и присутствие на этой территории самих древних карелов. Различия естественны, поскольку этничность – это весьма изменчивый феномен, подверженный как внутренним, так и внешним влияниям. Естественно, возникает вопрос, по какой причине некая группа (или группы) древнекарельского населения решила переселиться в район Миккельских озер? Одни исследователи полагают, что в Карелии не было избытка населения и не было недостатка в хорошей земле, поэтому переселение в Миккели, где занятие земледелием встречало известные трудности, не обосновано [Saksa, 1998. S. 169–172]. Нельзя забывать о том, что карелы пользовались разветвленной торговой сетью, охватывавшей не только внутренние районы, но и западные и северные земли. Охотничьи маршруты, транзитная торговля через систему озер Сайма, а также по сухопутным дорогам влекли в Саво новых жителей из Карелии [Pirinen, 1988. S. 285]. О пребывании древних карелов на далеких территориях говорят археологические предметы, топонимические данные, письменные источники, предания. Здесь мы имеем дело с третьей ситуацией, по Ф. Барту, когда группы занимают различные ниши, обслуживают друг друга и взаимозависимы, что создает немало возможных путей для контактов, в том числе и через торговлю.

Имеющиеся различия не противоречат этому выводу. Этнос в границах своего государства и вне его находится в принципиально разных условиях выживания. Найти точную копию

материальной культуры могильников Карельского перешейка в юго-восточной Финляндии, при всей их схожести, – нерешаемая задача, особенно при такой ситуации, когда в одном и том же могильнике наблюдается вариативность, как в погребальных обрядах, так и в сопровождающих предметах. Интенсивность этнического самосознания и различий в материальной культуре, а также четкость этнических границ может возрастать в периоды экономических и политических кризисов, а также войн, что нашло подтверждение в древней истории карелов. В XII–XV вв. в древнекарельской материальной культуре наиболее отчетливо прослеживаются самобытные черты, отличающие их от соседних прибалтийско-финских народов.

Вывод о «карельскости» культуры Саво находит поддержку и в лингвистических материалах: «Есть все основания верить, – считает Х. Лескинен, – что население, переместившееся в Саво, было типично карельским и разговаривало на типично карельском языке». Этому не противоречат некоторые заимствования из языка хяме, прослеженные на западном участке ареала диалекта Саво, который по своему основному строению нужно считать продолжателем языка древней корелы. Позднее он убедительно показал, что в восточных диалектах Саво имеется карельский субстрат [Leskinen H., 1987. S. 77–95]. Ю. Лескинен полагает, что в окрестностях Миккели древнее Саво являлось первым западным дочерним поселением Ладожского побережья древней Карелии, хотя на этой территории проживали и древние охотники-промысловики, хяме и древние карелы. Несмотря на то что в диалекте саво заметна западная доля, основа языка все-таки древнекарельская. Западные черты не настолько заметны в языке, чтобы считать диалект саво результатом равномерного смешения диалектов хяме и древнекарельского [Leskinen J., 2003. S. 448–449]. С этим заключением согласен и К. Пиринен, считающий, что у населения южного Саво есть четкие архаичные, указывающие на Ладожскую Карелию корни, хотя в говорах Карельского перешейка в процессе развития они не сохранились. К. Пиринен отметил в топонимии Миккели большую концентрацию названий с Karjala. Фамилию Karjalainen в самой древней переписи Саво носили 23 семьи; их больше, чем фамилий Nämäläinen и Lappalainen. Он полагает, что на прибывших из Ладожской Карелии указывают названия с *versä*, а на прибывших из-за границы карелов – *venäjä* [Pirinen, 1988. S. 272–289]. По этим соображениям в ареал летописной корелы до Ореховецкого мирного договора мною

включена частично территория Миккельских озёр. Как показали современные топонимические исследования, в начале – середине XVII в. уже Карелия осваивалась выходцами из Саво [Кузьмин, 2011. С. 45–56].

Государственному разграничению территорий предшествовали многие десятилетия борьбы за независимость. Первый поход упомянут в Новгородской первой летописи под 1143 г.: «В то же лето ходиша Корела на Емь, и отбежаша 2 лоиву бити». Речь идет о неудачном походе на финское племя емь и о потере двух судов (парусное судно *лойва*). С этого времени записи о тех или иных карельских делах общерусского масштаба встречаются с различными интервалами на протяжении XII–XV вв. Такое частое упоминание объясняется тем, что корела, проживая на западных рубежах Новгородского государства, оказалась в зоне враждующих государств: Новгорода и немецких орденов с одной стороны, Новгорода и Швеции с другой.

Нашло отражение в письменных источниках и активное участие корелы во внутренней жизни Новгорода. Карельская земля при некоторой самостоятельности и свободе в торговых делах находилась в зависимости от Новгородской феодальной республики. Без помощи и поддержки новгородских военных сил древние карелы не в состоянии были обеспечить безопасность своих рубежей и рубежей Новгородского государства.

Первая половина XIV в. заполнена изнурительными походами Швеции и Новгорода. Войны обедняли страны, разрушали торговые связи. Противники пытались удержать завоеванные территории строительством новых крепостей, разрушением неприятельских населенных пунктов. 1311 г. – новгородцы совершают опустошительный набег на хяме. 1313 г. – шведы оказываются под Ладогой и сжигают город. 1317 г. – они вновь появляются на Ладожском озере, а новгородцы в 1318 г. – в Финляндии. В 1322 г. Юрий Данилович осаждает Выборг, а шведы – Корелу.

В 1323 г. на Ореховом острове при выходе из Ладожского озера в Неву Новгород построил крепость Орешек (Ноттебург–Шлиссельбург–Петрокрепость), в которой 12 августа того же года был подведен итог многолетней, ожесточенной, разрушительной шведско-русской борьбы за территорию корелы. Это первый известный нам договор, устанавливающий официальную государственную границу. Он дошел до нас на русском, латинском и шведском языках, но ни один из них не является оригиналом. Русский текст начинается словами: «Се яз князь

великий Юрги (на это время новгородский князь Юрий Данилович, сын московского князя Даниила Александровича. – С. К.) с посадником Алфоромеем и с тысяцким Аврамом с всем Новым городом dokonчили есм с братом своим с князем свеиским с Манушем Ориковицем... мир вечный и хрест целовали».

В документе была оговорена граница между шведскими и новгородскими владениями от устья р. Сестры до «Каяно моря». Начало и конец межи для нас ясны, но такие пункты, как «мох, середе мха гора», на современную карту не нанести. И все же основное направление выявлено: устье р. Сестры – восточный рубеж привыборгских погостов корелы – Сяркилахти (район оз. Сайма) – р. Суоннейоки – район оз. Пюхя-ярви – Ботнический залив (южнее устья р. Пюхяйоки) [Kirkinen, 1970. S. 16–26]. За Швецией оставался Выборг и три погоста на Карельском перешейке. При этом Новгород сохранял за собой права на охотничьи и рыболовные угодья на отошедших к Швеции землях (северная часть Саво, Северная Похьянмаа и Лапландия).

Новую трактовку границы предложили Я. Галлен и Дж. Линд. По их мнению, северный участок русско-шведской границы, во-первых, был прерывистым, пунктирным, опиравшимся лишь на известные приграничным жителям базовые пункты, и, во-вторых, разделялся на два отрезка: один заканчивался у Ботнического залива «Каяно море», а другой – у Кандалакшского залива Белого моря – «*por i haffuit*» (шв. «на севере, в море»). Лежащая между ними земля находилась в сфере интересов и Новгорода, и Швеции [Gallén, 1968; Gallén, Lind, 1991, karta 1]. Подобное разветвление подтверждается и археологическими находками на севере Фенноскандии, представленными как западнофинскими, так и карельскими предметами [Uino, 1997. S. 201]. Более того, топонимы с *Nilos-*, группирующиеся в северном Приладожье в районе Куркиёки, затем прослеживаются в восточной Финляндии (Пиэлисъярви) и далее фиксируются по направлению к Оулуярви в северной Приботнии, маркируя таким образом известный средневековый путь карелов из Приладожья в Приботнию [Vahtola, 1980. S. 370].

В переговорах в крепости на Ореховом острове участвовали и купцы, очень заинтересованные в торговле с новгородскими землями. Территориальные споры Швеции и Руси нанесли серьезный ущерб международной торговле. Вот почему в договоре появляются такие слова: «Гости гостити без пакости из всеи немецкою земле – из Любка, из Готского берега и Свеиской земле по Неве в Новгород горою и водою, а свеям всем из Выбора города гости не перемати, тако же и нашему гостю чист путь за мо-

ре» [Кочкуркина, Спиридонов, Джексон, 1990. С. 42–43].

Для уравнивания военного баланса Швеция и Новгород отказывались от строительства крепостей, обязывались возвращать беглых должников и холопов. Шведам и жителям Выборга запрещалось покупать земли у новгородской корелы. Обе договаривающиеся стороны гарантировали решение возникающих конфликтов мирным путем.

Подписание мирного договора – отрадное явление, так как была оговорена граница, открыты торговые магистрали, прекращались набег. Отрицательные последствия договора проявились в том, что граница разделила корелу – единое этническое образование со своим языком и культурой. После этого различно сложились и ее судьбы.

Основная часть корелы, населявшая северо-западное Приладожье, осталась под властью Новгорода, тесно связанная с ним экономическими, политическими, религиозными и культурными узами. Корела, оказавшаяся на шведской стороне, вместе с емью образовала восточную группу финского населения (саволаксы), которая приняла участие в формировании финской народности. Из захваченных шведами древнекарельских погостов возник выборгский лен (губерния).

Первые три года после заключения мира можно считать спокойными. В 1326 г. Магнус – король Швеции и Норвегии – подписал с Новгородом соглашение относительно северного рубежа норвежско-новгородских территорий. Если граница нарушалась одной из сторон, земли возвращались владеющему ими государству. И Норвегия, и Новгород сохраняли за собой право сбора дани у саамов. Однако вскоре в Новгород стали поступать сигналы о неблагополучном положении на русско-шведской границе. В сохранившихся берестяных грамотах содержатся жалобы на притеснения саволакшан и сведения о попытках новгородских дипломатов урегулировать конфликты. Приведу несколько наиболее важных для судеб древнекарельского народа берестяных грамот. В грамоте № 286 (1313–1369 гг.) звучат отголоски важных политических событий. Академиком В. Л. Яниным [1975. С. 57–68] предложено чтение грамоты со всеми пропусками, за исключением одного дефектного места. Это письмо от Григория к Дмитру о сборе дани на территории корелы вблизи шведско-новгородской границы: «Мы здоровы. А ты совершай свои обходы и не бойся, потому что заключили мир по старой границе Юрия князя. А меня послали к карелам на Каяно море. Смотри не помешай, не напакости

каянцам и себе не заполучи худой славы. А если ты уже собрал прошлогоднюю дань, собери за меня. А узнаешь, что я не пойду к НО..., тогда ты иди. А дома все в порядке. А ко мне вести переправляй. Если сможешь, помогай мне чем-нибудь». Несмотря на заключение Ореховецкого мирного договора, по-прежнему происходили стычки, нападения друг на друга и т. д. Это привело к новым переговорам. Новгородскую сторону представляли послы Александр Борисович и Кузьма Твердиславич. Зимой 1338/39 г. посланцы ездили за море к свейскому князю и заключили мир по старым грамотам. Обе стороны должны были блюсти все пункты договора и взяли на себя обязательства наказывать и даже вешать убегающих за рубеж карелов. Григорий, поскольку был в курсе переговоров, написал эту тревожную грамоту Дмитру и рекомендовал тому вести себя осмотрительно. Бежавшие карелы с согласия короля Магнуса должны были вернуться на новгородские земли. Поэтому Дмитру следовало проявить все свое дипломатическое искусство во время его поездки к карелам-каянцам, чтобы те, напуганные расправой, не побоялись вернуться.

Грамота № 248 (рубеж XIV–XV вв., точнее 1396 г.) адресована господину Новгороду, что придает посланию характер важного государственного документа. Речь идет о населении двух карельских погостов – Кюлолакшского и Кирьяжского. Последний погост располагался на территории современного Лахденпохского района Карелии, Кюлолакша – примерно в 25 км к северо-западу от совр. Приозерска. Под немецкой половиной в грамоте подразумевается территория трех погостов Яскис, Эйряпя и Саволакс, которые отошли к Швеции. Упомянутые в документе «Вымолчи» соотносятся с одним из «пяти родов карельских детей». Итак, грамота написана от лица «Вымолцев господ» – родовых представителей корелы – о приграничном конфликте. В грамоте № 249 (найдена вместе с предыдущей грамотой, и написаны они одним лицом) рассказывается о нападении на карелов у пункта Коневы Воды. Коневы Воды – это перевод прибалтийско-финского Оливеси – название водоема, входящего в систему Сайменских озер и находившегося в то время в приграничной зоне. Именно жители пограничного Саволакского погоста, «севилакшане», и причиняли убытки кореле. Жабий Нос – видимо, какой-то мыс на оз. Оливеси. Интересно упоминание среди нападавших лопаря по имени Новзе. Это доказывает, что некоторые представители саамского населения в это время проживали в районе Сайменских озер.

Об ответных мерах Новгорода мы узнаем уже из Новгородской первой летописи. Новгородцы защитили корелу. Под предводительством князя Константина Белозерского отряд выступил в поход в 1396 г. «Пришедше немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста – Кюрьскыи и Кюлолакскыи – и церковь сожгоша; князь Костянтин с корелою гнася по них, и язык изима и присла в Новгород» [Кочуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. С. 84–86].

Мирную обстановку нарушил шведский король Магнус. Его вторжению предшествовал так называемый философский спор. В 1348 г. Магнус предложил новгородцам созвать съезд философов, на котором должно быть решено, чья вера лучше: католическая или православная. Если православная, говорил Магнус, то он примет ее. И будет единый новгородско-шведский союз. В случае несогласия Магнус угрожал большим походом на Русь. Новгородцы с владыкой Василием, посадником Федором Даниловичем и тысяцким Авраамом резонно заявили, что не им решать спор, а следует обратиться к Царьграду, ибо оттуда пришла православная вера. В ответ на это Магнус сказал новгородскому послу Кузьме Твердиславичу, что он обижен несговорчивостью новгородцев и их нежеланием обратиться в католичество. Повод появился, и в том же году Магнус с огромным войском, перейдя границу, начал крестить ижору, а несогласных уничтожать. Объединенным силам новгородцев удалось победить отдельные вражеские отряды, казнить изменников.

Пока новгородцы собирали главные силы в Ладоге да просили великого московского князя Семена Ивановича (сына Ивана Калиты) оказать помощь, а тот долго медлил, собрался было ехать, но повернул обратно, выслав вместо себя брата Ивана, шведское войско оказалось под Орешком. Магнус не мог взять крепость силой, поэтому пустился на хитрость, пообещав отпустить осажденных на свободу. Но сдержал свое слово только относительно горожан и наместника Наримонта, а все новгородское посольство в составе Авраама, Кузьмы Твердиславича и восьми бояр взял в плен [Кочуркина, Спиридонов, Джаксон, 1990. С. 47–48].

Для XVI–XVIII вв. характерна изменчивость геополитического положения Карелии, ее внешних и внутренних административных границ под воздействием внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов. Карелия в современных административных границах сформировалась в соответствии с Парижскими мирными договорами 1947 г., подписанными в Париже 10 февраля государствами-победителями во Второй мировой войне 1939–1945, с одной стороны, и быв-

шими союзниками фашистской Германии в Европе – Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией – с другой.

Литература

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Госкомиздат, 1947. 51 с.

Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 5. Л., 1971. С. 3–22.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. М.: Новое изд-во, 2006. С. 9–48.

Дроздов Б. В. Народы и границы. Вопросы государственного национально-территориального образования (опыт теоретизации). М., 2011. Электрон. публ. Режим доступа: rema44.ru/about/persons/drozdo/papers/gr_nar4.html.

Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи (под ред. И. П. Полторацкого). М.: Военное изд-во, 1993. С. 172–173.

Кузьмин Д. В. Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Труды КарНЦ РАН. 2011. № 6. С. 45–56. (Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2).

Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск: Карелия, 1990. 140 с.

Мамонтова Н. Н., Кочкуркина С. И. О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов // Древняя карелия. Л., 1982. С. 180–185.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.

Муллонен И. И. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культур к измене-

ниям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 424–427.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худож. лит., 1981. 616 с.

Чекин Л. С. «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. Вып. 56. М., 1993. С. 206–225.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 57–75.

Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Differences. Boston, 1969. P. 9–38.

Gallén J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland. № 427:1. Helsingfors, 1968. 238 s.

Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgräns. Andra delen. Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland. № 427:2. Helsingfors, 1991. S. 239–509.

Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1970. S. 8–90.

Leskinen H. Pohjois-Karjalan murteet – silkkaa Savoaa vai katoavaa Karjala? // Carelia rediviva. Joensuu, 1987. S. 77–95.

Leskinen J. Karjalaisten kielimuotojen alkuperän arvoitus // Karjalan synty. Jyväskylä, 2003. S. 448–449.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. 382 s.

Pirinen K. Savon keskiaika // Savon historia I. Kuopio, 1988. S. 265–415.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Joensuu, 1998. 258 s.

Uino P. Ancient Karelia // SMYA, 1997. № 104. 426 s.

Vahtola J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty // Studia Historica Septentrionalia. Vol. 3. Rovaniemi, 1980. P. 555–563.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кочкуркина Светлана Ивановна

Зав. сектором археологии, д. и. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: babkin@karelia.ru
тел.: (8142) 781886

Kochkurkina, Svetlana

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petрозаводск, Karelia, Russia
e-mail: babkin@karelia.ru
tel.: (8142) 781886